

метрах от местонахождения «Ассирийского священника» И.Р. Аспелина - (Подкамень, 1888) (рис. 1д).

Рис. 1б. Подобный знак нанесен способом выбивки в левой верхней части плиты с косым уклоном по направлению - юг (1,3 x 1,2) на могильнике в устье Кандеевского лога (степь Оргинек). Над ним средневековая тамга, ранее засвидетельствованная как кыргызская (Сулек).

Рис. 1в. «Небесная пара» с тремя точками в круге на единственной плите (1,6 x 1,1) погребения с прямоугольной оградой. Выбивка в верхней части плиты посередине, под ней снизу и слева - четыре тамгообразных знака, а справа внизу - грубых очертаний антропоморфное существо типа «наездника». Местонахождение - могильник у горы Барстаг (западный склон) - участок в 800 м от находки А.В. Адрианова и в 600 м от лога с изображением четырех фигур в коронах (см. ниже).

Рис. 1г. Композиция из двух знаков «Небесная пара» и антропоморфная фигура между ними. Пятое по счету изображение снизу на гряде скальных выступов (условно «Дорога жрецов»), гора Ключинская, устье Кандеевского лога, степь Оргинек. Плоскость 2 x 2, выбивка в правом верхнем углу. Под знаками прочерчены линии, огибающие полумесяц. Правая линия пересечена косым отрезком.

Рис. 1е. Одиночная фигура. На голове корона с солярным знаком. Еле приметная гравировка. Барбаковы горы, средний утес, нижний ярус скальных обнажений, 1,3 км от «Ассирийского священника» И.Р. Аспелина.

Рис. 1ж. Первая фигура из четырех в короне с солярным знаком на лбу. Под мышкой предмет с концом остроугольных очертаний. Гравировка в лог. Западный склон горы Барстаг, где размещены два памятника (рис. 1в и «находка» А.В. Адрианова).

Рис. 2. «Небесный корабль» (полевые материалы автора). Сложная композиция из пятнадцати фигур, восходящих на палубу корабля со взором, обращенным влево вверх в сторону изображения «Небесной пары». Плоскость косых очертаний (1,1 x 1,2) у основания одного из скальных вертикальных обнажений в центре утеса напро-

тив «Ассирийского священника» (1,2 км). Тонкая гравировка. В центре пятиступенчатый столп - лестница, над которой круг солнца и полумесяц под ним. Справа по-образное сооружение - проход - врата (?). Через него направляются три фигуры (в числе пятнадцати); центральная в доспехах, она получает от первой лук, крайняя правая наиболее заметная. При осмотре изображения И.Л. Кызласовым (июль 2005 г.) сюжет отнесен к кругу известных «фигур» И.Р. Аспелина. Памятник обнаружен в 2001 г. автором, но после публикации был подвергнут повторному исследованию (цифровая съемка), после чего приобрел окончательный вариант.

Учитывая сопутствующий иконографический материал (тамги, знаки и др. изображения), перечисленные памятники, очевидно, лежат в пласту средневековья. Это важная особенность всех изображений. В памятнике с двумя знаками «Небесная пара» и антропоморфной фигурой (рис. 1г) дугообразная обводка снизу в виде линии (выбивка и линии одинаково запатированы, т.е. нанесены одновременно), напоминает нечто иное как веками сложившийся символ ладьи с откинутым веслом и весьма прямолинейное решение двух солярно-лунных знаков. Все это в целом определяет их как своеобразные паруса Света (солнце и луна) - «это Корабли света» [11: 82]. Ни в какой другой религиозной концепции мы не находим столь яркое сопоставление светила и корабля как в манихействе, но, следует заметить, что и в древнеиндийской мифологии солнечный бог Адитья, «сопровожаемый жаром садится в ладью» [35: 46]. Трудно «читаемый» персонаж между двумя ладьями бесспорно имеет отношение к данному повествованию. «Он» есть либо автор-исполнитель, оставивший свой «автопортрет», духовник, адепт-язычник с косичками и распущенными подвесками обрядового облачения; либо «Он» - послушник из мирян, изобразивший в формах опыта «сибирского стиля» представителя пришельцев с лентами-косами и распущенным поясом. В том и в другом случае «Он», очевидно, шаманист.

«Небесный корабль» (полевые материалы автора) по составным частям изобра-

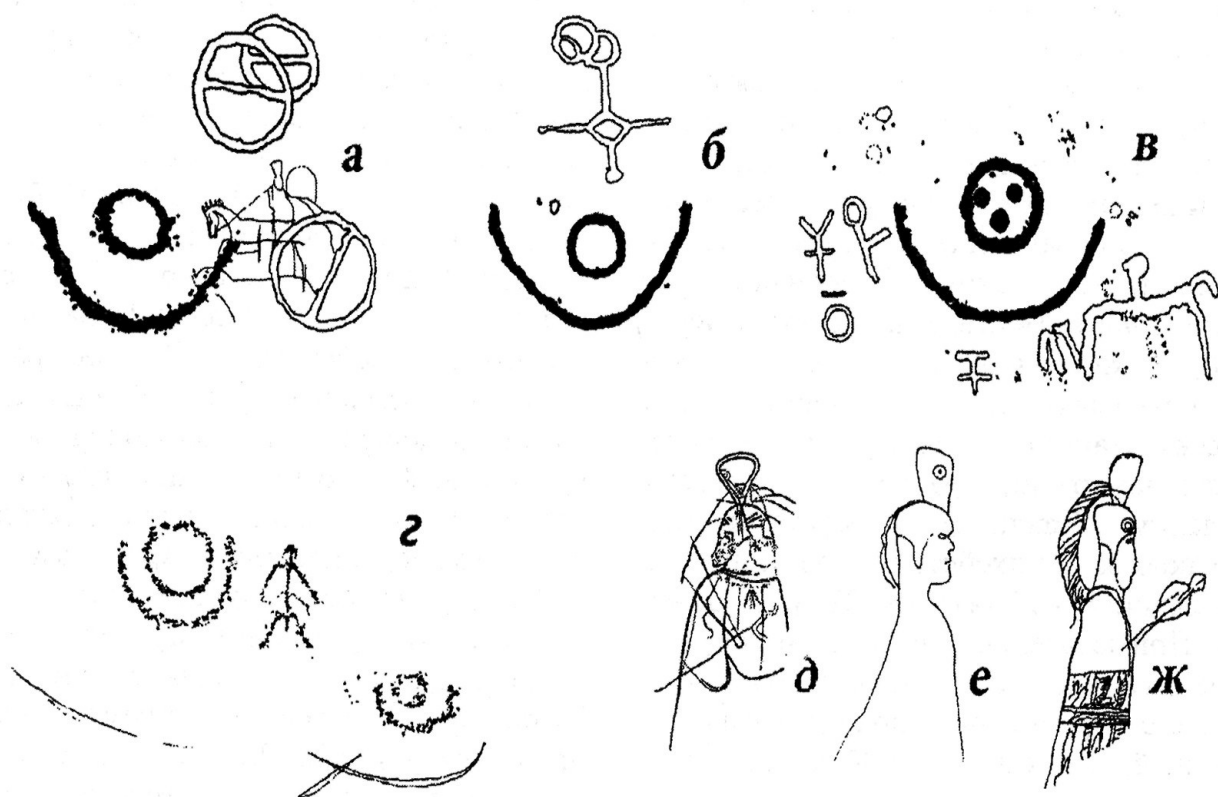

Рис. 1. **а** - "Небесная пара" среди десяти тамг. Подкамень (фрагмент). **б** - "Небесная пара" на плите с косым уклоном, Кандеевский лог. (фрагмент). **в** - "Небесная пара" с тремя точками в круге, Барстаг. **г** - два знака "Небесная пара" и антропоморфная фигура, г. Ключинская. **д** - Ассирийский священник по Аспелину. **е** - одиночная фигура, Борбаковы горы (фрагмент). **ж** - первая фигура из четырех в короне с солярным знаком на лбу, Барстаг, фрагмент. **з** - "Три драгоценности" Н.И. Klimkeit, 1998, fig. 27.

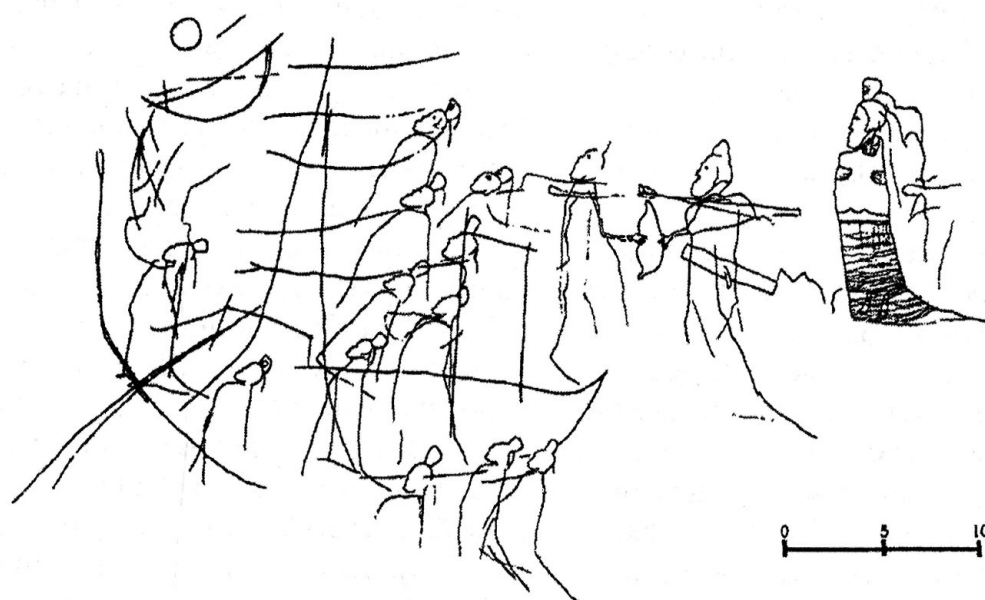

Рис. 2. "Небесный корабль". Борбаковы горы. Подкамень. (повторный перевод, Рыбаков - 2005)

жения целиком и полностью укладывается в систему манихейской доктрины с её основополагающей идеей, «где Солнце и Луна ... светила небесные становятся её (души) местами покоя» [11: 230]. А «дерево доброе» - ступени для восхождения по лестнице, он же - столп славы — место, где сконцентрирована значительная часть божественной субстанции. Дополняют образ повествования Врата и две фигуры перед ними, до конца пока не находящие ответа, но отражающие, по предварительному суждению, акт передачи перед порогом успехов, возможно, страждущему Третьему Посланцу... Важна деталь, сугубо принадлежащая к манихейству, - лук принимается левой рукой [41: 29; 22: рис.70; 45: 249]. Примечательна по деталям костюма последняя фигура справа в длиннополой одежде с короной на голове. На короне - солярный знак (см. ниже). Климкайт справедливо замечает, что в раннем манихейском искусстве (не дошедшем до нас) были, видимо, разработаны символы мира Света и Спасения [45: 274]. Не есть ли один из них - символ «Корабля Света» («Небесная пара»), несущий по сути одну и ту же вездесущую силу спасения в двух рассмотренных сюжетах. Таким образом, древне-семитская (арамейская) «Ладья, чьи борты сияют, снасти на ней из света» [28: 117], индоарийская «Я рождаю отца на вершине этого мира (Солнце)... моё лоно в водах (Луна) [10: 64] проявляют слой мифо-поэтических напластований, нашедших отражение в манихействе.

Обратимся к следующей писанице - «Небесная пара» с тремя точками в круге (рис. 1 в). Подобная триада в своей сакральной значимости отражена во многих культурах. В данном случае маловероятно отношение «трех точек» к христианской (несторианской) символике, т.к. для последних, полагаю, знак «Небесная пара» мог быть отнесен к божествам языческим. В зороастризме пример с тремя точками на кулахе Арташира Папака как знак определенной титулатуры [21: 53] или «священное суждение Духа разума: благие мысли, благие слова, благие дела» [13: 284] более оправдан. К нашему памятнику возможно применимо определение: светлый глаз

дхармы или три драгоценности - «Будда, Учение, Община»; или видоизмененное, но, по сути тоже: «Я прибегаю к Будде, я прибегаю к дхарме, я прибегаю к сангхе» [31: 87]. В том же пространстве культового синкретизма - догма о трех телах Будды: бытие Будды (безличный абсолют), бытие Будды на небе Аканишта (Шуньята), земное тело Будды (нирмана) [6: 64]. Также - владение трех глаз: Чистоты, Нераспознаваемого и Освобождения. В иконографии живописи Безеклык (рис. 1з) видим эту триаду, относящуюся к манихейскому искусству, на фоне огня (солнца). «Манихеи, должно быть, поняли эти три драгоценности в манере, подобной буддистам» [45: 297, f. 27]. Китайский путешественник Фа-Хин (399-414) упоминает при посещении в дни буддийского праздника монастыря Поталопутра «навершие с тремя точками на верху» [44: 68]. По местонахождению данному памятнику соответствует фигура из числа четырех (рис. 1ж), Барстаг - западный склон - 600 м. Убедительный солярный знак на лбу под короной и остроугольный предмет с ручкой под мышкой слева не двусмысленно определяют персонаж (жреца-миссионера) служителя солнечного культа. На рис. 1е фигура с подобным знаком на короне (Барбаковы горы) и, как было отмечено, - 1,3 км от известного «Ассирийского священника», с солярным знаком на лбу. Между этими памятниками разбросаны по скальным обнажениям и по курганным плитам солярно-лунарные знаки, рисунки и др. изображения.

Полагаю, что подобная связь не случайна. Круг Безымянный, начало начал, субстанция безграничная, точка в круге (Бытие) есть Солнце [25: 128]. В религиозно-мифологических моделях Древнего Востока и Передней Азии «Оно око гносеологическое - единое Эон», «Он до всех вещей» дающий жизнь, нерушимый и т.д. [37: 123]. «Он» - око - Зурван - отец света [33: 95]. Но и в тюркском манихействе Зурван (Азруа) вошел как самая значительная фигура пантеона [14: 247]. «О мой боже, не понимая этого (в сердце своем), в отношении бога (Зурвана) ложно мы столь значительные слова говорили» [43: 168-169; 14: 247]. «Воздав хвалу богу (Зурвану), я

вновь обрету доблесть» [14: 477]. Зурван неким образом соотносится с понятием gut - «благо» (тюрко-манихейские тексты из Турфана), являющимся центром страны богов, т.е. страны Света. В индо-буддийской религиозно-философской традиции Индра Громовержец - Бог Света [2: 96]. Сурья - Солнце врат востока. Он - око Митры и Варуны [36: 477]. И, наконец, Сюань-Цзань, описывая свое путешествие на Запад, говорит: «Он (владелец) преподнес в виде пожертвования свою любимую корону, чтобы сверкала она на голове Будды», и далее «... Будда - это значит прозревший, «обладающий золотым диском» [39: 42-43]. Далее, знак Ши (Шакья) - монашеское родовое имя Будды, ... когда «фамилии» становятся шраманами, все они называются «Семенем Шакья» (т.е. диск есть семя Будды - Н.Р.), [40: 47]. «Семя, возвращенное Буддой» [5: 37], о том же [8: 400]. Таким образом, на головах жрецов диск - Солнце, Семя Будды, Благо Зурвана и Семя Гайомарда, очищенное светом [13: 281-284], а под мышкой у жреца (рис. 1е) видимо громовая стрела Индры [27: 34]. Дополнительно - диск в правой руке богини Наны [46:140; 22:40] в тибетских толкованиях свойственен горе Меру, обозначенной точкой внутри, достаточно убедительно представлен в наших «документах» наскальных начертаний в виде эмблемы на голове жрецов. Он же - знак «священный Свет» - основа идей манихейства. Однако уйгурские правители получали свою священную Великую Ulug gut, харизму удачи, первых мудрых царей, отцов царей, трон которых покоится на небесной Idug gut (эти корни лежат в предманихейских временах). Здесь религия света получила статус государственной. И здесь же произошло воссоединение идеологий духовной власти тюрков и религии Спасения [45:224]. Но Тенгри - бог Аргунской земли Argun ai tengri, единый бог для всех тюрков, манихейских арслан-уйгуров, потомков тюрков-широв (арслан-эдизов) Тоньюкука-манихея [14: 231]. Очевидно, и кыргызские каганы получали харизму Ulug gut от неба Tengri. Тогда под началом Небесной gut, а её «удача» для кагана, кыргызской знати и пришельцев буддистов-манихеев явилось общим символом

религиозной привлекательности и единства, стало возможным появление религии Света и на Июсах - явление, отраженное в многочисленных писаницах.

Климкайт отмечает, что в турфанских (тюркских) документах появляются фразы парных «Солнце и Луна» только после контакта уйгуров с манихеями [45: 221] - существенный факт, имеющий отношение к нашему знаку «Небесная пара». Исходя из приведенных материалов иконографии писаниц июсских степей, где адепт-язычник (рис. 1г) «...отделившийся от месяца и солнца...» [29: 90], а парные солнце и луна объединены под началом одного божества (Klin ai Tangri) - «Покаянная молитва» [43: 205] в среде тюрских верований [15: 122], мы можем констатировать принадлежность и этого знака к манихейству. Возможно существовала ранняя форма мини-модели космоса - Небо-Земля, Земля-Луна в добуддийский период у народов Центральной Азии. Но символическая цепь определений «Бог Зурван, мой отец Мани-Будда» [14: 194], «Майтрея, бог Мар-Мани», «Мани-Будда» [45: 263] отражена в согдийских документах [20: 527] и выражает уверенность в том, что знак относится к пантеону буддийских божеств: «Пути и Врата» [14: 195], «Паромы перевозчики на берег «спасения» [9: 300]. Контакт между восточным манихейством и буддизмом определил их историю с самого начала.

Знак «Небесная пара» не может быть тамгой. Он, несомненно, выходит за рамки узкородового или племенного значения. Мы не находим сообщений в хрониках средневековья о начале вхождения чужеземцев-миссионеров на территорию июсских степей. Однако следует учесть два косвенных факта: раскол в манихейской церкви - 600 г. [1: 192; 20: 522] и сообщение китайского путешественника Сюань-Цзана (629 г.), во время проезда которого через Самарканд буддистов уже не было (после ферганской смуты) [3: 270, 468]. Не ушла ли в этот период какая-то часть буддистов-манихеев, объединенных формой содружества (силой Спасения), в пределы северных земель на территорию кара-тюргешей (Талас) каганата Се-яньто, принявшего манихейство в первой половине VII в. (629-647) [14:

204, 209] или в Северную Аргу - земли государства кыргызов, а точнее - в пределы каганата на Июсах? Одноименный хребет Арга (Аргу) (?) образует стрелку Июсов. Не здесь ли северная окраина Аргунской земли «Божественное государство Арку», встреченное в енисейских надписях Tengri (Тенгри)Argu el[14:237]?

«Загадочные» фигуры по июским степям лежат в таштыкском «слое» - мнение большинства специалистов. Аргумент достаточно весомый, не позволяющий объединить в хронологически единый пласт изображение «фигур» с предполагаемой, пока единственной на сегодня, датировкой появления манихеев на Енисее (VIII в.), [17: 15]. Однако при этом не учитывается протяженность по времени таштыкской культуры в гянгуньско-кыргызском этническом ядре. Пока недосказана датировка конечного периода культуры (возможно,

VIII в. -замечание С.Г. Кляшторного -устное сообщение). Полагаю, что дальнейшие исследования памятников с «загадочными фигурами» (Ошколь, Подкамень, Ключинская, Барстаг) должны проводиться в пространстве буддийско-манихейских религиозных традиций с учетом языческих верований северного и центрально-азиатского тюркского «мира».

Будда - апостол, он же и божество в манихействе, «Предводитель каравана» [45: 260]. «Он коснулся руками солнца и луны» [46: 137] - тогда в облике иконографическом проявленная формула «Небесная пара - Небесный корабль» является и символом Веры, тем более в значении - Три защиты (рис. 1в) [24: 164], под знаком которой проходили караваны на Енисей [3: 273], а с ними - и иноземцы-священники, коронованные диском - «Око Зурвана Мани Будды».

Библиографический список

1. Абдуллаев Е.В. Апостол Фома... // Одиссей. Человек в истории. - М, 1999.
2. Антоненко В.Ф. Заметки к солярной интерпретации мифологии ведийского Индры // Литература и культура древней и средневековой Индии. - М, 1979,
3. Бартольд В.В. Сочинение - Т.2. - 4.2. - М, 1964.
4. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. - М., 1973.
5. Буддизм в переводах. Альманах. Вып.Л. - СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
6. Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. - Новосибирск: СО РАН, 1980.
7. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь. - Абакан, 1995.
8. Валиханов Ч. Избранные произведения / под. ред. Маргулана А.Х. - Алма-Ата, 1958.
9. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. - Владивосток - М., 2001.
10. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и её индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. - М., 1979.
11. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. - М.: Изд-во «Восточная литература» РАН,1998,- (Памятники письменности Востока).
12. Забытые системы письма. Остров Пасхи, Великое Ляо, Индия. Материалы по дешифровке / ред. Кнорозов, Ю.В. - М. Наука, 1982.
13. Зороастрийские тексты / Изд. подготовлено Чугуновой О.М. - М.: Наука, 1997.
14. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии - Алматы, 2002.
15. Кляшторный С.Г, Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. // Страны и народы Востока.-Вып.10.-М., 1971.
16. Кызласов И. Л. Зеркало из Минусинска. Новые материалы по Енисейской рунической письменности. // Советская тюркология. - № 4. -1981.
17. Кызласов Л.Р. Мани и манихейство, - М. -Абакан, 1999.
18. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. - М.: Наука. Восточная литература, 1980.
19. Литвинский Б.А. Буддизм и средневековая цивилизация // Индийская культура и буддизм / Сборник памяти Ф.И. Щербатского. - М., 1972.
20. Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье // Этносы, языки религии. -М.,1992.

21. Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов - Л.: Эрмитаж, 1961.
22. Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Отчет о раскопках ... Пенджикента. - СПб.: Эрмитаж 1999.
23. Маршак Б.И. Согдийское серебро (очерки по вост. торефтике). - М, 1971.
24. Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. - Т.1. - В.1. - СПб., 1887.
25. Палладий (архимандрит). Китайская литература магометан. - СПб., 1887.
26. Позднеев А. Очерки быта буддийских монастырей. - СПб., 1887.
27. Потанин Г.Н. Подгорбунская И.А. Каталог. Буддизм // ИВОИРГО. отд. 2, - Иркутск, 1888.
28. Псалмы Фомы (1-4). Сокровища мысли Востока /пер. Е. Б. Смагиной. - Восток. -№4. -1992.
29. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. - Новосибирск: Наука, 1990.
30. Смирнова О.М. Сводный каталог согдианских монет. Бронза. - М.,1981.
31. Согдийские фрагменты. Центральноазиатские собрания Института востоковедения / пер.А.Н. Рагоза. - М: Наука.- 1980.
32. Ставиский Б.Я, Судьбы буддизма в Средней Азии- М.,1998.
33. Стеблева И.В. Концептуальная основа образов в древнетюркской «книге гаданий» («ырк битиг») // Восток. - № 3. - 1995.
34. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. - М: Наука, 1981.
35. Топоров В.Н. Мифы народов мира. - Т.1. -М., 1980.
36. Топоров В.Н. Мифы народов мира. - Т.2. -М., 1982.
37. Трофимова М.К. Гнозис и эстетическая деятельность // Палестинский сборник. - Вып.28 (91).-1986.
38. Филон Библиский. Финикийская история. Финикийская мифология. - СПб.: Нева, 1999.
39. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана / пер., ком. и указ. Л.И. Тугушевой.-М., 1980.
40. Хуэй-Цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сен чжуань) / пер.ком. М.Е. Ермакова. - Т.2. - СПб., 2005.
41. Ярославский (архиепископ). Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. - СПб., 1858.
42. Alfarc P. Les Ecritures manicheennes. - Paris, 1918.
43. Asmussen J.P. Xuastvanift. Studies in Manichaeism. Kopen-Chagen, 1965.
44. BuggHism in the Classical AGE (с.400 - 750 A.D.) // Sudha sengupta. - Delhi, 1985.
45. Klimkeit H.J. Selected Studies // Heuser M., Klimkeit H.J. Studies in Manichaeism, Literature and art. - Brill, Leiden-Boston-Koln, 1998.
46. Tucci G. The Tibetan «white-cun- moon» and cognate deities. East and West. Pom - New Series. -Vol. 14.-Nos. 3-4. - 1963.